

stamped tiles were found in the sub-soil along the wall of an external round structure, interpreted by the excavators as a pen for sheep. Both literary and archaeological evidence as well as ethnographical parallels point rather to possibility to identify the enclosure as training ring for horses. If our reading of the stamp is correct, the tiles covered the wall round the presumed dressage arena in the fifth building period (late 3rd c. – about 475). The large stud-farm (300–400 ha) in the south-western part of the Chersonesian chora may have been involved in ensuring a basic supply of horses to the Roman vexillations in the South Crimea.

© 2002 г.

К ВОПРОСУ ОБ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОСТАТКОВ РИМСКОГО ОПОРНОГО ПУНКТА, ОТКРЫТЫХ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БАЛАКЛАВЫ

В настоящее время установлено, что римские войска во второй половине II – первой половине III в. н.э. дислоцировались не только в самом Херсонесе, но и его ближайших окрестностях, а также в ряде местностей Таврики¹. Одной из них была территория современной Балаклавы, где в 1,2–1,5 км к северу от Балаклавской бухты в 1996–1997 гг. были открыты остатки римского опорного пункта. Поскольку без учета этих новых данных сейчас уже нельзя представить себе систему римской военной организации в регионе и роль, которую сыграли римские вооруженные силы в истории Таврики во второй половине II – середине III в., результаты археологических исследований на территории Балаклавы, введенные в научный оборот в последнее время, приобретают особую важность и требуют всестороннего научного осмысления. Поэтому данная статья и посвящена анализу интерпретации остатков культовой постройки, открытой на территории Балаклавы, которую О.Я. Савеля и Т. Сарновский атрибутировали как храм в антах, посвященный Юпитеру Долихену и расположенный на священном участке – теменосе².

До начала 90-х годов о дислокации в районе современной Балаклавы римских войск можно было говорить только на основании косвенных данных и отдельных находок³, но в 1991–1992 гг. в ходе строительных работ на ул. Невской и 40-летия Октября был исследован археологический объект, который внес в этот вопрос полную ясность⁴. Здесь были открыты и частично раскопаны фундаменты девяти помещений, которые принадлежали одноэтажному зданию, возведенному на каменном цоколе с применением дерева и глины. От крыши здания сохранились фрагменты черепицы с латинскими клеймами VEMI, VEM, LEXICL и CAI, свидетельст-

¹ *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 41–79; *он же.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – VI в. н.э.). Киев, 1998. С. 88–89.

² *Sarnowski T., Savelja O. Ja.* Das Dolichenum von Balaklava und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim // *Archeologia*. 1998. 49. S. 21–33; *Савеля О.Я., Сарновский Т.* Римский опорный пункт у Балаклавы в Юго-Западном Крыму (по результатам раскопок 1996–1997 гг.) // *Проблемы истории и археологии Украины*. Тез. докл. конф. Харьков, 1999. С. 44–45.

³ *Зубарь В.М., Костромичева Т.И.* Новый аурус из окрестностей Херсонеса // *КСИА*. 1990. 197. С. 83–86; *Зубар В.М., Антонова I.A., Савеля О.Я.* Надгробок римського кавалериста з околиці Балаклави // *Археологія*. 1991. № 3. С. 67–68; *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 65–69.

⁴ *Савеля О.Я.* Работы Севастопольской экспедиции // *Археологические исследования в Крыму 1993 г.* Симферополь. 1994. С. 116; *он же.* Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // *ХСб*. 1997. VIII. С. 89–91; *Sarnowski, Savelja.* Op. cit. S. 19.

вующие о ее изготовлении в мастерских римского гарнизона⁵. Фундаменты несут четкие следы нескольких перестроек и ремонтов, что позволяет говорить о сравнительно длительном функционировании этого комплекса. Планировка здания, где помещения располагались в два ряда, чрезвычайно близка жилым баракам, в которых размещались римские военнослужащие (*contubernia*). Подобные сооружения открыты повсеместно в местах дислокации римских войск на территории провинций Римской империи⁶, в том числе на территории римской цитадели Херсонеса⁷. В связи с этим отметим, что вряд ли можно принять сомнения О.Я. Савели и Т. Сарновского в атрибутировании раскопанного комплекса в качестве казарм – исходя из того, что все раскопанные помещения соединены проходами⁸. Сам факт наличия этих проходов находится под большим сомнением, что объясняется не столько фрагментарностью открытых раскопками остатков сооружения⁹, сколько неудовлетворительной публикацией их результатов¹⁰.

В 1996 г. в 170 м к северо-востоку от комплекса помещений, открытого в 1992 г., в ходе строительных работ был исследован участок застройки римского времени, в одном из помещений которой *in situ* обнаружены памятники, связанные с почитанием богов римскими военнослужащими дислоцировавшегося здесь гарнизона (рис. 1). К сожалению, все постройки, располагавшиеся к юго-западу от этого помещения, были снесены экскаватором, но о наличии в этом месте мощной выемки и каких-то иных сооружений свидетельствуют остатки кладок, прослеживающиеся в бортах котлована, исследованию которых мешает современная застройка.

В результате двух археологических кампаний, проведенных в 1996 и 1997 годах, была открыта постройка, состоявшая по крайней мере из полдюжата помещений. Внутри и снаружи здание было оштукатурено. Крыша покрыта черепицей. В ходе раскопок были найдены фрагменты черепицы с латинскими клеймами, такими же, как и в упомянутой ранее постройке: VEMI, VEM, VEX, CLA, LEXICL, OPUS NOV и OPUS PUBLIC¹¹. Среди раскопанных помещений особый интерес представляют два – «А» и «В» (рис. 1), в которых найдены архитектурные детали и культовые памятники. В помещении «А», в его северо-западной стене, предполагается наличие ниши глубиной 0,5 м. К сожалению, сохранность кладки в этом месте такова, что вполне уверенно говорить здесь о наличии ниши нельзя. Именно здесь *in situ* зафиксированы постамент статуи с посвящением Геркулесу и алтарь, связанный с почитанием Вулкана, а также нижние части двух известняковых колонн, одна из которых была украшена побегими плюща¹². Не исключено,

⁵ Филиппенко А.А. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой // ХСб. 1998. IX. С. 110–117; Савеля, Сарновский. Римский опорный пункт... С. 44. Попутно следует отметить, что знакомство с коллекцией кровельной черепицы из этих раскопок в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» позволяет заключить, что клейма с аббревиатурой VEM принадлежат к хорошо известному типу с VEMI, но с не оттиснутой последней буквой I.

⁶ Petrikovits H. von. Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit // Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. 1975. Bd 56. S. 53. Abb. 7; Sarnowski T. Fortress of the Legio I Italica at Nove // Limes. Akten des II Internationalen Limeskongresses. Budapest, 1977. P. 415; Davison D.P. The Barrack of the Roman Army from the 1st to 3rd Centuries AD. L., 1989. Pt I–III; Johnson A. Römische Kastelle. Mainz am Rhein, 1990. S. 188–198. Abb. 127, 129; Junkelmann M. Die Reiter Roms. Teil II. Mainz am Rhein, 1991. P. 100–112.

⁷ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 44–47. Рис. 5, 6.

⁸ Sarnowski, Savelja. Op. cit. S. 19; Савеля, Сарновский. Римский опорный пункт... С. 44.

⁹ Савеля, Сарновский. Римский опорный пункт... С. 44.

¹⁰ Савеля. Работы Севастопольской экспедиции. С. 116; он же. Некоторые результаты работ... С. 89–91; Sarnowski, Savelja. Op. cit. S. 19.

¹¹ Sarnowski, Savelja. Op. cit. S. 39–41; ср. Савеля, Сарновский. Римский опорный пункт... С. 45.

¹² Зубар В.М., Сарновский Т., Савеля О.Я. Нови латински написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. 1997. № 4. С. 67–76; Sarnowski T., Zubar V.M., Savelja O.Ja. Zum religiösen Leben der niedermoesischen Vexillationen auf der Südkrim. Inschriftenfunde aus dem neuentdeckten

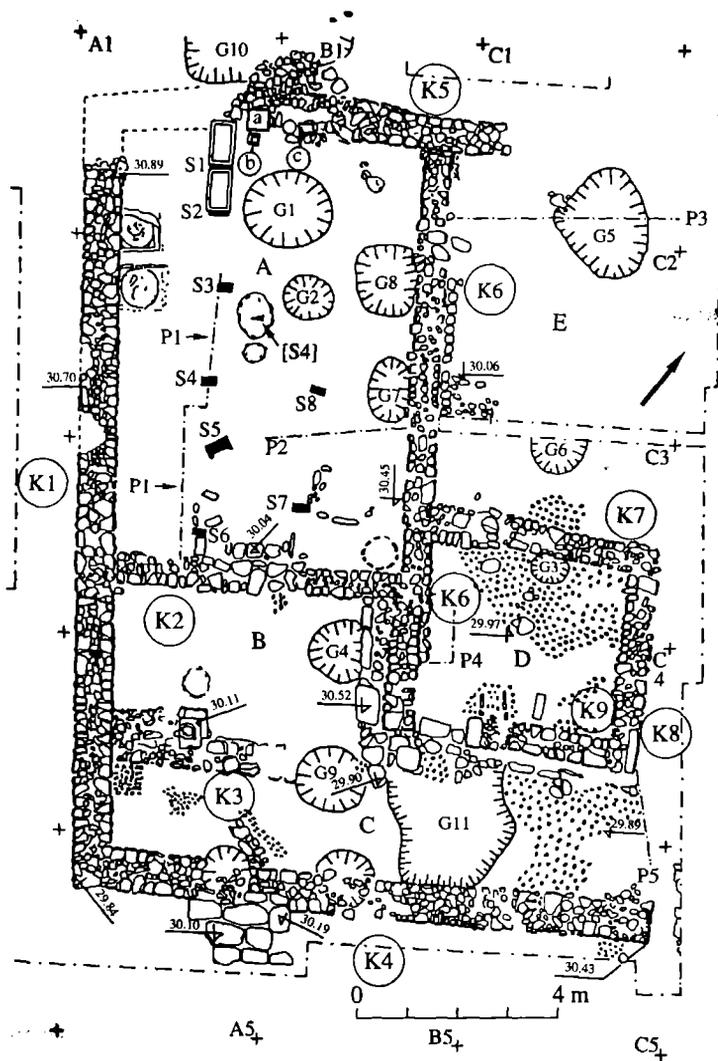

Рис. 1. План строительных остатков, раскопанных на территории Балаклавы в 1996–1997 гг. по Т. Сарновскому и О.Я. Савеле

Условные обозначения: *a* – база статуи Геркулеса; *b* – вотивная колонна; *c* – алтарь с посвящением Вулкану; S1–8 – трапезофоры; P1–5 – разрезы; G – очаги; K – кладки с обозначением номеров по отчету

что в верхних несохранившихся частях этих вотивных колонн также могли быть посвящения¹³.

От дверного порога в северо-западном направлении к алтарной части помещения с нишей (?) вел проход шириной 1,6 м, по сторонам которого на профилированных каменных ножках (трапезофорах), украшенных рельефными изображениями, лежали

Dolichenum von Balaklawa // *Historia*. 1998. Bd 47. Ht 3. S. 321–332; *Sarnowski, Savelja*. Op. cit. S. 41–46; *Зубарь В.М., Савеля О.Я., Сарновский Т.* Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // *ВДИ*. 1999. № 2. С. 197–207.

¹³ Ср. *Bozilova V., Kolendo J., Mrozewicz L.* Inscriptiones latines de Novae. Poznan, 1992. P. 16–17, № 4; P. 91, № 52; P. 95, № 56; *Kolendo J., Bozilova V.* Inscriptions grecques et latines de Novae (Mésie inférieure). Bordeaux, 1997. P. 86. Pl. 48; P. 173. Pl. 168.

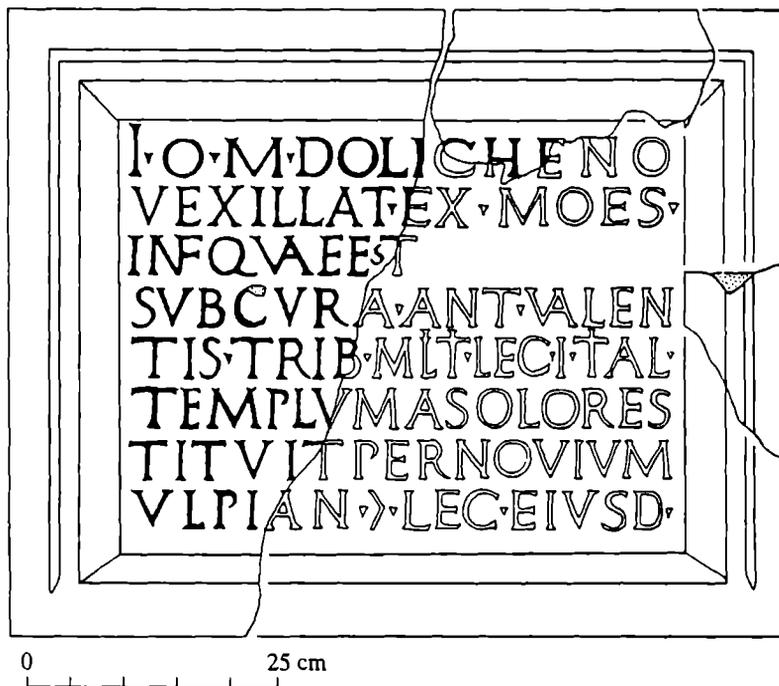

Рис. 2. Надпись середины II в. о реконструкции храма Юпитера Долихена из раскопок на территории Балаклавы по Т. Сарновскому и О.Я. Савеле

каменные плиты, выполнявшие роль скамеек. На некоторых из них имелись посвящения Юпитеру Долихену. Пространство между столами-трапезами и стенами этого помещения было заполнено засыпью, которая образовывала подиумы шириной 2,10 м. Продольные стороны глинобитных подиумов помимо трапезофоров были укреплены поставленными на ребро кровельными черепицами. На подиумы у входа в помещение вели каменные ступени. У восточного угла помещения, трактуемого исследователями как наос, была сделана загородка, в которой находился пифос. Здесь обнаружены фрагменты мраморной чаши с посвящением Юпитеру Долихену и однотипных краснолаковых кубков, видимо, использовавшихся в культовых церемониях. Стены помещений были расписаны, видимо, под мрамор и украшены накладными известково-алебастровыми карнизами и бордюрами.

Наиболее интересные находки были сделаны у входа в помещение, а также в нише, располагавшейся в стене помещения, которое интерпретируется как наос. Среди них (в связи с рассматриваемой темой) обращают на себя внимание два фрагмента плиты с профилированной рамкой, на которой было вырезано посвящение Юпитеру Лучшему Величайшему Долихену. В надписи сказано, что военная vexillatio Нижней Мезии под командованием Антония Валента, военного трибуна I Италийского легиона, храм (от основания) восстановила с помощью Новия Ульпиана, центуриона того же легиона (рис. 2)¹⁴. На основании содержания этой надписи можно утверждать, что усилиями римского командования и солдат на территории современной Балаклавы около середины II в. была восстановлена культовая постройка, посвященная Юпитеру

¹⁴ Зубар, Сарновский, Савеля. Нови латински написи... С. 70–71; Sarnowski, Zubar, Savelja. Zum religiösen Leben... S. 326–329; Sarnowski, Savelja. Op. cit. S. 43–44; Зубарь, Савеля, Сарновский. Новые эпиграфические памятники... С. 202–205.

Долихену. Об этом свидетельствуют также фрагментированные алтарь и столешницы-трапезы, на которых также имелись посвящения этому божеству, в том числе от уже известного центуриона Новия Ульпиана. Следует также подчеркнуть, что исходя из содержания надписей «храм» Юпитера Долихена в это время был не возведен, а лишь восстановлен или реконструирован. Это позволяет предполагать, что на этом месте уже существовал более ранний культовый комплекс, от которого сохранились только несколько очагов, засыпанных при ремонтных работах¹⁵. Видимо, исходя из приведенной надписи, Т. Сарновский и О.Я. Савеля считают возможным уверенно атрибутировать раскопанную постройку в качестве храма в антах, расположенного на священном участке¹⁶.

Действительно, представленная на чертежах внутренняя планировка и наличие между помещениями «В» и «С» базы колонны ионического ордера (рис. 1), а главное – перспективное изображение реконструированного (!) фасада постройки на первый взгляд напоминают классическую структуру храма в антах (рис. 3). Однако внимательный анализ опубликованных материалов не позволяет делать столь однозначный вывод и реконструировать постройку как храм. Эта реконструкция антового «храма», практически «уткнувшегося» в стену, которая предложена Т. Сарновским и О.Я. Савеля¹⁷, не выдерживает критического анализа.

Бросаются в глаза два момента, совершенно не типичных для храмов. Это устройство по сути бокового входа в «храм» (вход в помещение «С») и чрезвычайно малая глубина предхрамового пространства (ширина помещения «С») (рис. 1). Подчеркнем, что если следовать упомянутой реконструкции, таковым является не пространство «Е», как это ошибочно считает автор отчета о раскопках, а помещение «С», ширина которого составляет менее двух метров (!). Очевидно, понимая экзотичность предложенной реконструктивной схемы, ее авторы пытаются выйти из созданного ими положения путем «устройства» в наружной стене – южной стене всего комплекса (кладка № 4)¹⁸ – еще одного входа. Однако это, во-первых, не находит подтверждения в раскопанных строительных остатках (об этом речь будет идти ниже), а во-вторых, все равно не решает проблемы. Почему тогда, например, входную колоннаду пронаоса не разместить на месте кладки № 4? И зачем вообще нужен этот узкий дворик («С») с невысокой и тем делающей ее чисто символической оградой? Кроме того, наличие вымосток в северном и западном бортах раскопа, совпадающих по глубине залегания с уровнями полов рассматриваемого комплекса, дает основания предполагать, что последний находится на площади. А в этом случае тем более нет оснований считать возможным устройство храма внутри раскопанного строительного комплекса.

Внимательное знакомство с опубликованными авторами раскопок обмерным чертежом строительных остатков и их аксиометрическим изображением (рис. 4, 1–2)¹⁹ показало, что они противоречат предложенной реконструкции «храма» и не дают абсолютно никаких оснований для сделанных исследователями заключений. Для уточнения ситуации мы вынуждены были ознакомиться с отчетом о раскопках, что полностью подтвердило возникшие у нас сомнения.

Стержнем аргументации о существовании здесь антового храма послужили ничем не подтверждаемые утверждения якобы о: 1) наличии в помещении «С» «двора», 2) устройстве по линии кладки № 3 портика, 3) существовании по главной продольной оси помещений «А» и «В» входа во «двор» «С» в стене № 4 (рис. 1).

¹⁵ Савеля, Сарновский. Римский опорный пункт... С. 45.

¹⁶ Sarnowski, Savelja. Op. cit. S. 21–31; Савеля, Сарновский. Римский опорный пункт... С. 45.

¹⁷ Sarnowski, Savelja. Op. cit. Abb. 13–15.

¹⁸ К сожалению, авторы публикации не проставили номера кладок стен на опубликованном чертеже (Sarnowski, Savelja, Op. cit. Abb. 4). Поэтому мы были вынуждены ссылаться на номера стен, приведенные в отчетах о раскопках, сданных на хранение в архив Крымского филиала Института археологии НАН Украины.

¹⁹ Sarnowski, Savelja. Op. cit. Abb. 4, 5.

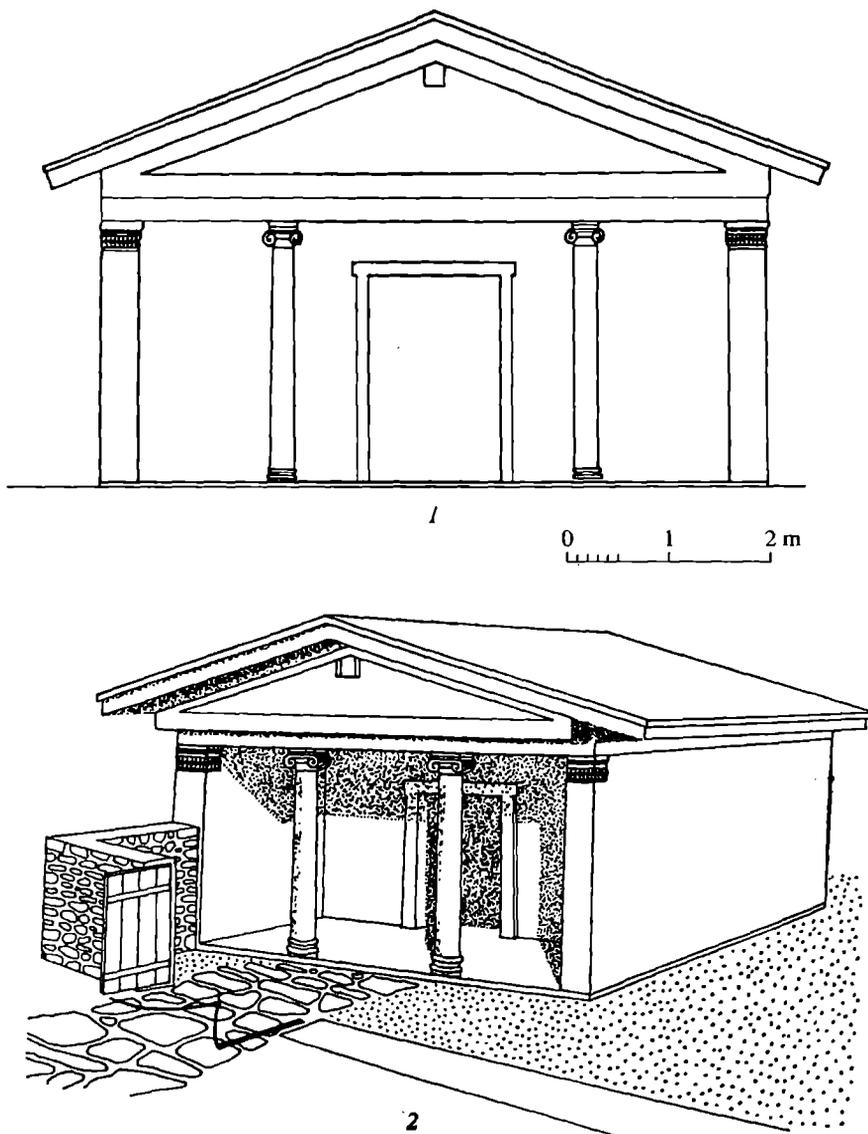

Рис. 3. 1–2 – реконструкция храма Юпитера Долихена на территории Балаклавы по Т. Сарновскому и О.Я. Савеле

Прежде всего, бросается в глаза полнейшая произвольность в определении помещения «С» как двора. Дело в том, что кладка западной стены всего комплекса (по отчету № 1) сохранилась на всем протяжении почти одинаково, поэтому нет каких-либо оснований считать, что в помещении «С» она была ниже, чем в помещениях «А» и «В» (рис. 1). Тем более нет данных о наличии перепада высот в стене № 1, в месте примыкания к ней предполагаемого авторами раскопок стилобата портика (по отчету № 3). Вывод же о том, что эта стена была оградой (рис. 3, 2)²⁰, вообще неизвестно на чем основан.

²⁰ Савелья О.Я. Отчет об охранных раскопках в Балаклаве в 1996 г. НА Крымского филиала ИА НАН Украины. Инв. № 452. 1996. С. 4, 5.

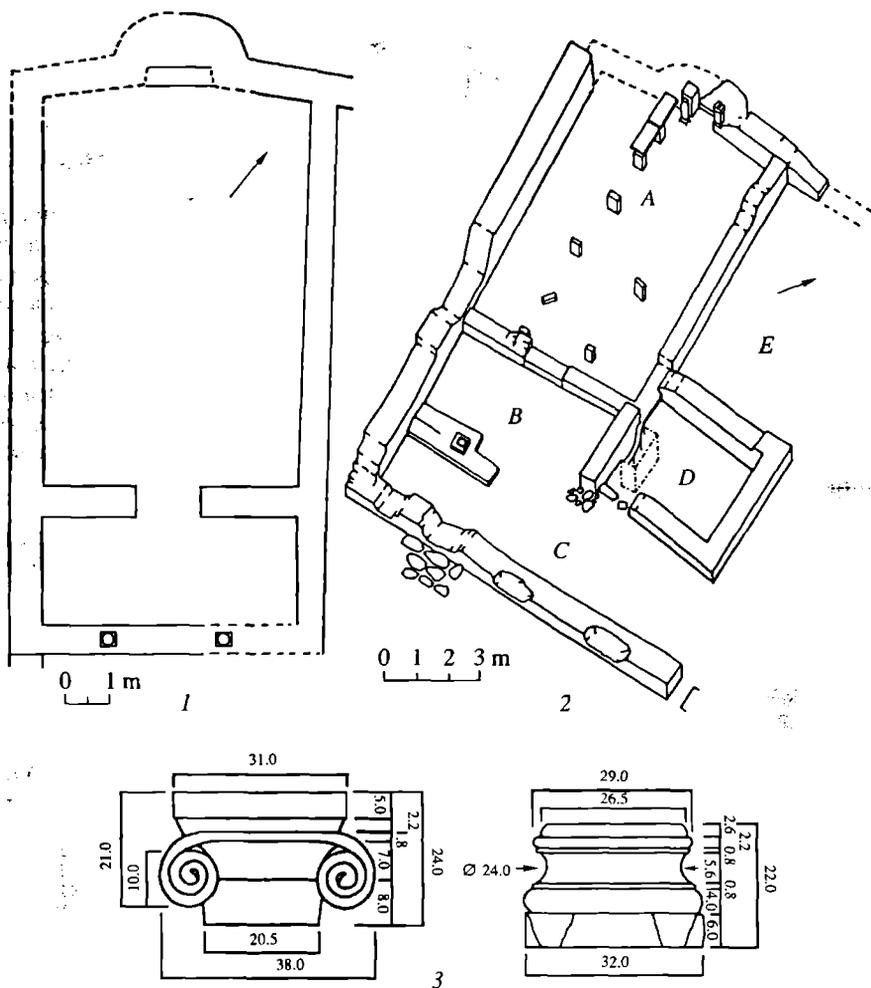

Рис. 4. 1 – план, 2 – аксиометрическое изображение и 3 – архитектурные детали из раскопок на территории Балаклавы по Т. Сарновскому и О.Я. Савеле

То же самое касается возможности наличия портика на линии, разделяющей помещения «В» и «С» (имеются в виду остатки кладки № 3), в пользу чего, по мнению авторов раскопок, свидетельствует нахождение *in situ* базы колонны (рис. 4, 3). Но, во-первых, судя по отчетной документации²¹, база относительно кладки № 3, т.е. предполагаемого стилобата портика «храма», сдвинута в сторону. Кроме того, уровень поверхности фундаментной плиты (не стилобата, а именно фундамента), на которой находится база (отметка – 30,11 м) на 0,2–0,3 м выше пола помещения «В» и выше даже на 0,1 м пола более позднего помещения «D» (рис. 1)²². Это говорит о том, что данная колонна относится к наиболее позднему периоду, синхронному с помещением «D», к которому и относится определение положения базы, как *in situ*. Представить же себе, помимо всего сказанного, возможность сочетания антового храма с подобной боковой пристройкой достаточно трудно. Во-вторых, весьма малый

²¹ Там же. Рис. 5, 15; *он же*. Отчет об охранных исследованиях Севастопольской археологической экспедиции в г. Балаклаве в 1997 г. НА Крымского филиала ИА НАН Украины. Инв. № 461. 1997. Рис. 18.

²² *Sarnowski, Savelja*. Op. cit. Abb. 4.

диаметр колонны (верхний диаметр равен 20,5 см) (рис. 4, 3)²³ свидетельствует о том, что, скорее всего, это была колонна, относящаяся к интерьеру крытого помещения. В-третьих, отсутствуют какие-либо археологические данные о возможности существования в этом месте еще одной колонны, которая в сочетании с упомянутой выше могла бы образовывать портик.

Что касается наличия в наружной стене № 4 входа в помещение «С», то, судя по отчетной документации (рис. 1)²⁴, этого входа не было вообще. Авторы реконструкции предполагают существование входа в стене № 4 на основании только лишь наличия к югу от стены № 4 («ограды», по их мнению) каменной вымостки из крупных плит, считая, что сам вход не сохранился, поскольку был разрушен более поздней ямой. Между тем, на чертежах и фотографиях, приведенных в отчете о раскопках за 1997 г., вполне определенно видно, что особенности разрушения ямой стены № 4 исключают возможность существования здесь в более раннее время входа, да еще такого широкого – двустворчатого, как показано в реконструкции (рис. 3). Ширина разрыва в стене, образованного ямой, составляет всего около 0,7 м (рис. 1). Это при почти такой же толщине торцов стен и выполнении внутреннего слоя кладки из мелкого бута потребовало бы устройства специальных косяков входного проема для закрепления среднего слоя кладки. В этом случае ширина проема составила бы не более 30–40 см. Кроме того, на опубликованном обмерном чертеже вполне определенно видно, что упоминавшаяся с наружной стороны стены № 4 вымостка сдвинута относительно оси «входа» почти на метр (рис. 1). Это не дает оснований для утверждения о наличии причинно-следственной связи между вымосткой и проломом в стене, образованном ямой.

В дополнение к сказанному отметим также отсутствие перевязи между собой стен помещения «А» (стены № 1 и 2; 5 и 6) (рис. 1), что в храмовом строительстве неукоснительно соблюдалось. Отсутствовала также четкая прямоугольность в разбивке на местности предполагаемого «храма». Особенно это касается помещения «А», северо-западная стена которого отходит под тупым углом от продольной стены № 6 и, судя по сохранившимся *in situ* скамьям S1, S2, должна была под острым (а не почти прямым, как это произвольно показано на обмерном чертеже) углом подходить к стене № 1 (рис. 1).

Таким образом, анализ приведенной авторами раскопок аргументации в пользу наличия здесь храма показывает ее несостоятельность и позволяет исключить возможность трактовки данной части раскопанного комплекса в качестве антового храма.

Между тем, все становится на свои места, если исходить из строгого, не тенденциозного анализа характера открытых строительных остатков. Основополагающим здесь является факт возведения в первом строительном периоде стен (№ 1, 4 и, очевидно, 5), ограждающих участок, не связанных в переплет ни с одной из внутренних стен. Небольшие размеры и практически полное отсутствие обработки камня, из которого были сделаны ограждающие стены, отсутствие также известкового или цементного раствора в качестве связующего свидетельствуют о том, что данные стены не имели оборонительного назначения. С другой стороны, толщина этих стен – порядка 70–80 см – указывает на то, что при такой толщине они вряд ли могли предназначаться для простой ограды. Следовательно, с самого начала предполагалось использование этих стен в качестве несущих конструкций с целью устройства внутри их периметра комплекса крытых помещений.

Именно время возведения периметра и является первым строительным периодом рассматриваемого сооружения, внутренняя планировка которого восстанавливается только частично, но отсутствие в замыслах строителей желания предусмотреть тут строительство храма, тем более использующего кладку № 1 в качестве своей продольной стены, вполне очевидно. В противном случае кладки внутренних стен № 2, 3

²³ Ibid. Abb. 12.

²⁴ Савеля. Отчет об охранных исследованиях... Рис. 6, 16.

и 6 соединялись бы со стенами № 1 и 5 в переплет. Во втором строительном периоде возникают кладки № 2, 3, 6. Не исключено, что стены № 2 и 3 одновременны, и первоначально – во втором строительном периоде – помещения «В» и «С» составляли одно целое. К третьему строительному периоду относится появление колонны, которая могла быть установлена только после разрушения кладки № 3. Последняя, судя по ее местоположению и характеру сохранившихся остатков, не могла служить стилобатом. Исходя из глубины залегания колонны и строительных остатков помещения «D», о чем уже шла речь выше, есть основания предполагать, что появление колонны и помещения «D» синхронны. Сама же колонна находилась не в портике, а в крытом помещении.

Разумеется, ни о каком «предхрамовом» пространстве («Е»), расположенном к востоку от помещения «А», речи быть не может, поскольку в любом случае вход в помещение «А» находился с юга. Заметим также, что неодинаковая толщина наружных и внутренних стен (последние – тоньше) свидетельствует в пользу того, что их высота была различной. Иначе говоря, внутренние стены, примыкающие вплотную к наружным, были ниже. А это с учетом замкнутости планировки комплекса и ориентировки его помещений внутрь периметра дает основание предполагать, что кровли помещений, примыкающих к наружному периметру, имели односкатные крыши с уклоном в сторону внутреннего двора, каковым, очевидно, и являлось пространство «Е» (рис. 1).

Имеющиеся в наличии фактические данные позволяют констатировать лишь то, что в процессе раскопок 1996–1997 гг. было раскрыто одно помещение культового назначения – «А» и связанные с ним функционально помещения «В» и «С». Два последних помещения выполняли служебную роль, а вместе с культовым составляли лишь часть большого строительного комплекса, возведенного римскими военными на территории современной Балаклавы²⁵. Исходя из всего сказанного выше, помещения «А», «В», «С» нельзя рассматривать в качестве отдельно стоящего антового храма.

Отсюда возникает вопрос о функциональном назначении как всего комплекса, так, в частности, и помещения «А». В связи с этим отметим тот исключительно важный факт, что к западу от раскопанного в 1996–1997 гг. комплекса, видимо, располагалась площадь, вымощенная массивными известняковыми плитами, которые прослеживаются в западном борту котлована, вырытого экскаватором еще до начала раскопок. В свете этого, очевидно, также не случайным оказывается наличие сохранившегося фрагмента вымостки из аналогичных плит, расположенной к югу от стены № 4²⁶. Это, в свою очередь, дает основания предполагать, что рассматриваемый комплекс находился на замощенной территории, которая представляла собой скорее всего площадь.

Подобное расположение комплекса, имевшего в своем составе помещение культового назначения, с учетом сопровождающего материала и открытых ранее построек, типологически близких казармам, дает основание для гипотезы о том, что это была principia кастелла, одно из помещений которой было превращено в армейское святилище, названное в надписи храмом.

По своему принципиальному архитектурно-планировочному решению и сделанным находкам балаклавский комплекс близок *scholae principalium*, хорошо известным на территории римских военных лагерей, где они, как правило, встроены в комплексы принципий. В данном случае, как и в других местах римского мира, балаклавская *schola* не имела изолированного объемно-пространственного выражения, тем более в виде антового храма. Причем нас не должны смущать небольшие размеры комплекса, так как это в первую очередь зависело от тех функций, для которых он предназначался, и количества людей, обычно собиравшихся здесь. Как известно, разного рода сооружения, связанные с римской военной архитектурно-строительной традицией, от-

²⁵ Ср. *Sarnowski T., Lodomirski A. Novae-Western Sector, 1991. Preliminary Report on the Excavations of the Warsaw University Archaeological Expedition // Archeologia. 1993. 44. P. 81.*

²⁶ *Савеля.* Отчет об охранных раскопках в Балаклаве в 1996 г. Рис. 9, 10; *он же.* Отчет об охранных исследованиях... Рис. 2–5.

личались в Северном Причерноморье от других районов дислокации римских войск сравнительно скромными размерами. Достаточно в связи с этим напомнить, например, термы, раскопанные на территории римской цитадели Херсонеса и в Хараксе²⁷.

Первоначально школой (*schola* от греческого *σχολή* = дорич. *схολá* – «досуг, отдых, место встречи учителя с учениками») назывались полукруглые каменные скамьи или небольшие комнаты со скамейками для сидения, а позднее – небольшие помещения в принципиях римских военных лагерей, располагавшиеся, как правило, недалеко от офицерских казарм²⁸. Такие помещения выполняли роль своеобразных клубов и одновременно были святилищами для младших офицеров. Они, как и в балаклавском комплексе, украшались стенной росписью, алтарями и статуями, в том числе и надписями, воздвигнутыми членами такого клуба различным божествам. Наиболее яркий пример этого – *scholae*, раскопанная в Ламбесисе на территории Нумидии, в северной части которой *in situ* стоял ряд алтарей и других монументов²⁹. Аналогичные *scholae* засвидетельствованы надписями в Аквинке, Карнунте, Бригеции, Мизене, Лугдуне, Риме, Виминции и на территории римской цитадели Херсонеса. Археологически школы частично или полностью исследованы в Новизюме, Инчтатхиле, Карнунте, Ветере, Церлеоне³⁰ а также, возможно, в Аалене³¹ и Нове (рис. 5)³². Все такие клубы младших офицеров были построены по самым различным планам, но они очень часто имели апсидальные ниши, стенные росписи, были снабжены скамьями, статуями и алтарями, т.е. всеми теми атрибутами, которые располагали к отправлению сакральных действий и досугу. Эти характерные признаки сближают *scholae* римских военных лагерей с культовым помещением, открытым в процессе раскопок на территории современной Балаклавы. Такая атрибуция раскопанного комплекса косвенно подтверждается и тем, что эпиграфически наличие *scholae principalium* зафиксировано в близлежащем Херсонесе (рис. 6)³³, который сейчас уже нельзя рассматривать в качестве главного опорного пункта римского военного присутствия в этом районе³⁴. Поэтому наличие на территории современной Балаклавы римского опорного пункта, где дислоцировался сравнительно многочисленный гарнизон, и приведенные аналогии делают высказанные соображения относительно интерпретации раскопанных построек в качестве *scholae* вполне оправданными. А то, что эти постройки в упомянутой надписи пышно названы храмом, не должно вводить в заблуждение, так как ремонт более ранней постройки, где впоследствии были установлены алтари и статуи богов, был значительным событием в жизни римского гарнизона на территории Балаклавы и желание возвеличить сделанное в надписи следует признать вполне естественным.

Таким образом, приведенные соображения не позволяют в настоящее время говорить о наличии на территории современной Балаклавы отдельно стоящего на священ

²⁷ Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 287–288; Антонова И.А., Аркадова Л.А. Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // АО за 1970 г. М., 1971. С. 270.

²⁸ *Domaszewski A.* Die Religion des römischen Heeres // *Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst.* 1895. 14. S. 68–95; *Curie J.A.* Roman Frontier Post and its People. The Fort of Newstead in the Parish of Melrose. Glasgow, 1911. P. 53; *Hopkins C., Rowell H.T.* The Pretorium // *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Fifth Season of Work.* New Haven, 1934. P. 208–209; *Ruggiero E. de.* Dizionario epigrafico di antichità. V. 3. Roma, 1961 (reprint). P. 1. Col. 367–369; *Frank R.J.* Scholae Palatine. The Palace Guards of the Later Roman Empire // *Papers and Monographs of the American Academy in Rome.* 1969. V. 13. P. 13–14.

²⁹ CIL. VIII. 2554; *Domaszewski.* Die Religion... S. 85.

³⁰ *Domaszewski.* Die Religion... S. 80–90; *Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А.* Schola principalium в Херсонесе // НЭ. 1999. 16. С. 75. Прим. 18–19.

³¹ *Fellmann R.* Principia-Stabsgebäude // *Limesmuseum Aalen.* 1983. Ht 31. S. 77. Abb. 2.

³² *Sarnowski, Ladomirski.* Op. cit. P. 81.

³³ *Vinogradov Ju.G., Zubar V.M.* Die Schola Principalium in Chersonesos // *Il Mar Nero.* 1995/1996. II. S. 129–143; *Виноградов, Зубарь, Антонова.* Ук. соч. С. 79.

³⁴ *Савеля О.Я., Сарновский Т.* Две латинских надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. 1999. № 1. С. 43–44; *Зубарь В.М.* О римской вексилляции Херсонеса в середине – второй половине II в. н.э. // *Старожитності Північного Причорномор'я і Криму.* 7. Запоріжжя, 1999. С. 93–100.

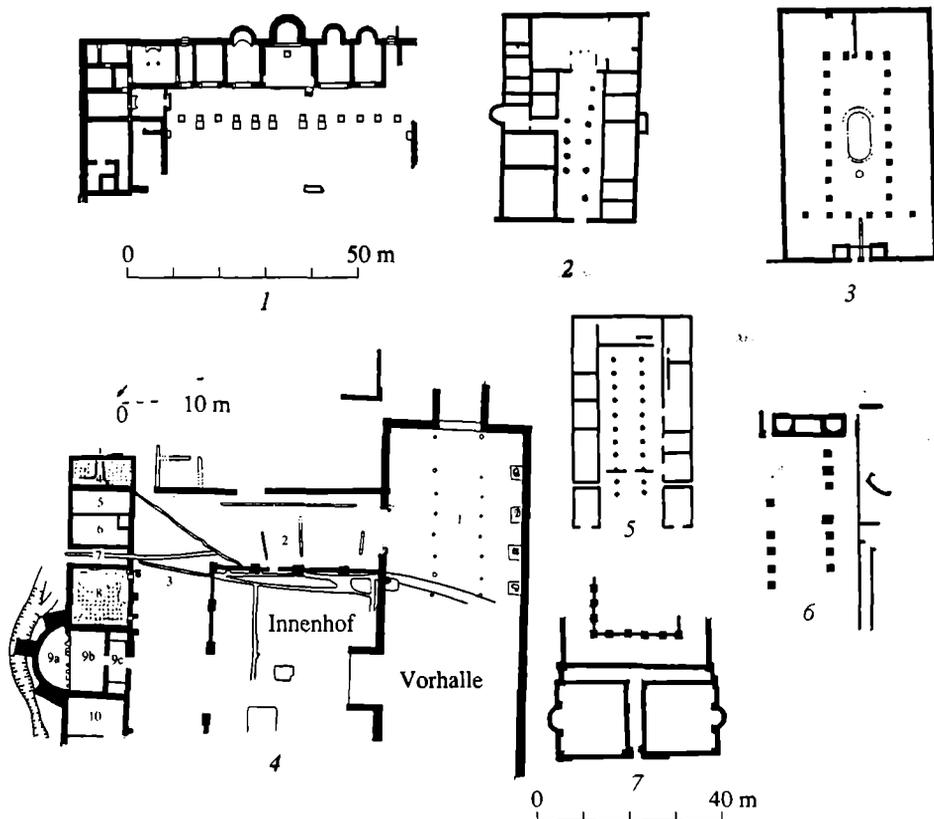

Рис. 5. Схематические планы из раскопок пунктов дислокации римских войск по Н. v. Petrikovits and R. Fellmann. 1 – Ламбесис, 2 – Карнунт, 3 – Новезиум, 4 – Аален, 5 – Инчтатхил, 6 – Церлеон, 7 – Ветера

ном участке храма в антах, посвященного Юпитеру Долихену. Ведь хорошо известно, что на территории римских лагерей, за исключением мест, связанных с почитанием официальных римских богов или императоров³⁵, отсутствовали специальные культовые постройки, посвященные неримским божествам, к которым, вне всякого сомнения, должен быть отнесен и Юпитер Долихен³⁶. А в тех случаях, когда раскопками таковые зафиксированы, они располагались вне пределов укреплений³⁷. В данном же случае культовые помещения были включены в комплекс здания, видимо, принцепия, и скорее всего выполняли роль *scholae* для младших офицеров расквартированного здесь в середине – второй половине II в. гарнизона, входившего в состав Херсонесской вексилляции. Наряду с культом Юпитера Долихена здесь, видимо, отправлялись культы и традиционно римских божеств³⁸. Наличие в этом комплексе памятников, связанных с различными божествами, помимо всего прочего, свидетель-

³⁵ Petrikovits. Op. cit. S. 75–78. Abb. 15; Fellmann. Op. cit. S. 16–17.

³⁶ Зубар, Сарновский, Савеля. Нови латински написи... С. 75–77; Sarnowski, Zubar, Savelja. Zum religiösen Leben... S. 333–335; Зубарь, Савеля, Сарновский. Новые эпитафические памятники... С. 207–210. Подробнее см. Birley E. The Religion of the Roman Army: 1895–1977 // Birley E. The Roman Army Papers 1929–1986. Amsterdam, 1988. P. 400–407.

³⁷ Baatz D. Der römische Limes. Archeologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. B., 1975. S. 117–121. Abb. 48; Die Römer in Hessen. Stuttgart, 1982. S. 197–203; Clauss M. Mithras. Kult und Mysterien. München, 1990. S. 51–60; Johnson. Op. cit. S. 115–244.

³⁸ Зубар, Сарновский, Савеля. Нови латински написи... С. 78–80; Sarnowski, Zubar, Savelja. Zum religiösen Leben... S. 335–338; Зубарь, Савеля, Сарновский. Новые эпитафические памятники... С. 210–213.

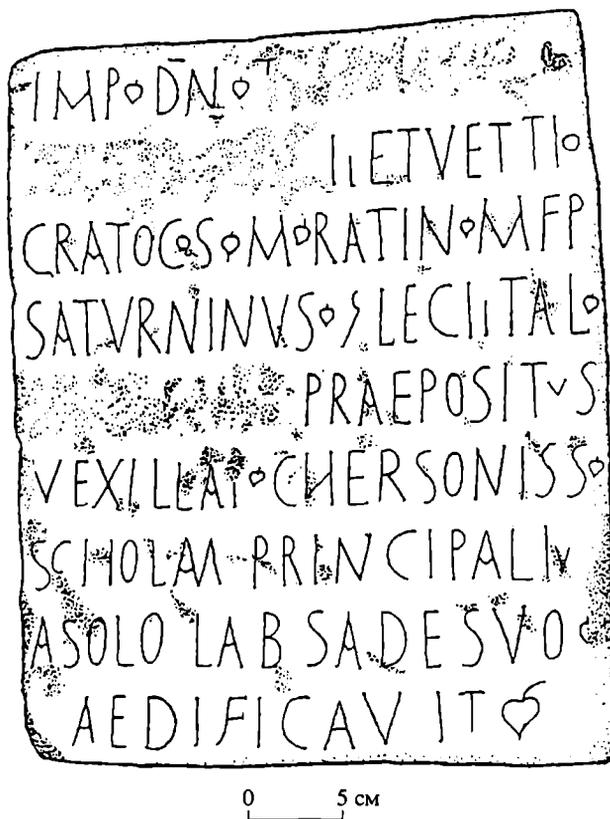

Рис. 6. Надпись 250 г. из раскопок римской цитадели Херсонеса с упоминанием *scholae principalium* по Ю.Г. Виноградову, В.М. Зубарю и И.А. Антоновой

ствует о неоднородности идеологических воззрений младших офицеров дислоцировавшегося здесь римского гарнизона.

С.Д. Крыжицкий, В.М. Зубарь

ON THE ARCHITECTURAL RECONSTRUCTION AND INTERPRETATION
OF THE BUILDING REMAINS OF A ROMAN STRONG POINT ON THE
TERRITORY OF MODERN BALAKLAVA

S.D. Kryzhitsky, V.M. Zubar

Now it has been established that the Roman troops in the second half of the II and the first half of the III century AD were located not only in Chersonesus, but also in its environs, particularly, on the territory of modern town Balaklava. In 1996–1997, a building complex was excavated there, and two premises of it were interpreted by T. Sarnovsky and O.Ya. Savelja as a temple devoted to Jupiter Dolychenus and placed on a sacred plot (*temenos*).

But a careful examination of the published measure draught of the excavated building remains, its axanometric image and reconstruction, showed their contradiction to the proposed interpretation. Basing on a strict analysis of the character of the opened building remains, one may conclude, that there were two worship buildings, researched there, which formed a part of a large building complex. As a pure assumption, it may be determined as a *principia castella* building, two premises of which were converted into an army sanctuary. The character of reciprocal location of the building remains, the presence of benches, found materials and analogies – everything testifies the proximity of the excavated premises to *scholae* of Roman military camps, built into the *principia* complexes.